

В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕЦ

Новые материалы по истории русского школьного театра XVIII в.

I. Троицкий диалог

К числу неизданных и неисследованных пьес нашего школьного театра относится диалог елизаветинского времени «Стихи по вопросам и ответам сложенные, от двоих учеников пред великою монархинию сказываемыя».¹

По своему художественному оформлению этот диалог-панегирик заслуживает изучения, так как обнаруживает при ближайшем рассмотрении свои связи с репертуаром других школьных театров — тверского и новгородского, а по основной тенденции сближается с официальной публицистикой елизаветинского времени.

Краткую характеристику этого диалога с небольшими выписками из него по Киевской рукописи дает Н. И. Петров (Очерки по истории украинской литературы XVIII в. Киевская искусственная литература XVIII в., преимущественно драматическая. Киев, 1880, стр. 108—109), датирующий пьесу 1744 г. Он указывает что 8 сентября этого года диалог был произнесен студентами Киевской академии перед Елизаветой Петровной и характеризует диалог, как «хвалебную песнь, довольно, впрочем, бесцветную». Поправку к этому совершенно необоснованному и с содержанием диалога несогласованному выводу Н. И. Петров внес во втором издании «Очерков» (Киев, 1911, стр. 348). Основываясь на том, что в одном из стихов диалога называется «лавра», Петров считает теперь, что диалог произнесен был учениками новоучрежденной Троицкой семинарии и написан учителем Киевской академии приблизительно в 1743 г., после заключения мира с Швецией.

Киевский список диалога сохранился в рукописи, содержащей кроме него ряд приветственных вирш Елизавете Петровне на русском и латинском языках, взятых из издания 1744 г. (СПб., 4^о, 27 стр., или Москва, в лист, 15 лл.), в котором, как показывает заглавие, дано «описание краткими стихами иллюминации на всерадостное ея имп. величества благоч. самодержницы великия государыни нашея императрицы Елизаветы Петровны

¹ Диалог сохранился в двух списках середины XVIII в.: Библ. Акад. Наук УССР, собр. б. Церк.-археол. музея при Киевск. дух. акад., № 477 (муз. 58), лл. 37 об. — 41, и Научн. библ. Сарат. Гос. унив., собрания Мальцева № 305 (901), лл. 170—173 об.

всёя России и его имп. высочества благоверного государя и великого князя Петра Федоровича в Троицкую Сергиеву обитель пришествие, в той же обители зажженные Высокия Высокомонаршия Души добродетели и оными рожденное всевожденнаго вечно заключеннаго мира торжество присеняющия». Пышная церемония, с картинами, кантами, приветственной речью учителя семинарии Федора Ляшевского между прочим включала и те 9 латинских и русских вирш, которые были переписаны вместе с диалогом, не входившим в состав специально к этому случаю написанных панегириков. В Киевской рукописи эти 9 вирш в том же порядке, как в печатном издании, переписаны полностью. В Саратовском списке из них сохранилось лишь три русских, расположенных между новыми виршами, видимо, уже новгородскими. Киевская рукопись старше по своему составу, в ее языке больше украинизмов, показывающих, что список сделан на юге, что подтверждается и наличием в ней копий «Трагедокомедии» Варлаама Лящевского. Саратовский список явно новгородского происхождения: диалог помещен в нем рядом с словами преподавателя новгородской семинарии — «школы реторики учителя Тимофея Соколовского» на различные праздники; здесь же читаем краткий катехизис «чрез вопросы и ответы учителя и ученика в новгородской семинарии составленный и на пользу малым отроком 1755 года мес. окт. 11 дня предложенный», ряд стихотворений на приезд в Новгород Елизаветы Петровны с наследником и его женой, стихи, посвященные митрополиту, архиепископу Амвросию, ректору Иннокентию, префекту Симону. В сборнике имеются две записи учеников новгородской семинарии: на л. 186: «Ода апобатерическая Стефана Михайлова из Новгородской семинарии, где учась и уча словесных наук от октября месяца 1740 жил по ноября 18 день 1754 года уже по указу отежжающего в Московскую Академию», и на л. 99: «Сии вопросы Новгородской семинарии ученика Спиридона Агафонникова собственные 1757 года месяца декабря 1 дня читал».

Часть приветственных вирш, содержащихся в Саратовском списке, сохранил и другой сборник, несомненно, также новгородского происхождения, заключающий в себе текст пьесы в честь Елизаветы Петровны, поставленной учениками новгородской семинарии, — «Стефанотокос».¹ Этот сборник старше Саратовского, составлен между 1741 и 1745 гг.

Вирши из печатного издания 1744 г., полностью сохранные Киевским списком и частично Саратовским, были произнесены в третье посещение Елизаветой Петровной Троицкой семинарии, как об этом прямо говорит в своей приветственной речи Федор Ляшевский. Диалог двух учеников указывает на второе посещение. Очевидно, мы имеем в новгородской рукописи приспособление готовых панегириков, одновременно произносившихся в Троицкой семинарии, к визиту Елизаветы Петровны в Новгород, причем, в добавление к ним, были сложены новые вирши, упоминающие уже не только наследника, но и Екатерину, его жену. Киевский список сохранил только троицкие панегирики.

¹ См. описание этого сборника при издании текста Стефанотокоса. В. Резанов. Школьные действия XVII—XVIII вв. Нежин, 1907, стр. III—XIII.

Сам по себе этот факт перехода готовых панегириков из одной школы в другую вполне допустим, если мы вспомним, что преподаватели часто переводились с места на место, что все они в половине XVIII в. были воспитанниками либо Киевской, либо Московской академий, откуда выносили одинаковые литературные вкусы и навыки. Составление всякого рода приветственных речей и стихотворений, обучение тому же учеников входило в их прямые обязанности, и, не всегда будучи в состоянии давать к каждому случаю свежий материал, они, конечно, брали иногда из готового запаса, лишь слегка приспособляя к местным условиям панегирики, произносившиеся раньше в другой обстановке. Так случилось и с диалогом двух учеников: для новгородского торжества ограничились заменой только одного выражения — в троицком диалоге первоначально читалось явное указание на путешествие Елизаветы Петровны в лавру пешком — «пешеходит»; новгородский переписчик ставит вместо этого слово «путеходит», так как в Новгород Елизавета Петровна, конечно, не приходила, а приезжала. Таким образом репертуар молодой Троицкой семинарии, которую Елизавета Петровна посещала особенно часто, перекочевал с течением времени в Новгород, и здесь диалог и часть вирш были произнесены уже после августа 1745 г., когда женился Петр Федорович, которого вирши чествуют вместе с Екатериной.

Когда же был произнесен впервые диалог двух учеников, и каково его место среди других панегириков елизаветинской эпохи?

Диалог построен в форме беседы двух учеников. Первый побуждает второго «украсить речь словы», т. е. восхвалять Елизавету. Второй рядом пышных сравнений доказывает невозможность выполнить это: «лучше сознать, ясно сказать, что несилен в слове». Первый ободряет его: «Сама радость, чудна сладость внутрь глагол мне родить», но второй снова рисует свое смятение перед трудной задачей: «мне страх крылат велит воснять вскоре уступати». Первый допытывается: «с чего страх он, скажи резон, скажи, не сумнися». Второй отвечает на это панегириком Елизавете «с Петром наследным», посещение которых привело его в такое смущение.

Монархиня, героиня, скипетродержавна,
 Через победы и вси следы во всем мире славна.
 Чудный крови плод Петровый и действий забрало,
 Гром противных, в делах дивных светлое зеркало.
 Ея зрелый ум всецелый круг российский правит,
 На мериле в точной силе вся разумно ставит.
 Мир России дни благии зажже скоро в диво,
 Все без брани власти страны держить смотреливо.
 Весь мир знает, ощущает, что Петрова сила
 Со всех примет Елисавет чудно украсила.
 Дух, мысль, слово в ней Петрово, мечь его и дело,
 Чиста вера без примера, око ума зрело,
 Красно в мире и в порфире, прехрабра в державе,
 Увенчанна, дарованна от небес нам к славе.

(174)

Ея орел коль быстр возшел с солнца светои дружно
 Пребывая, почивая, говорить не нужно.
 Ивропейских круг, жаром весь вдруг брани возгорелся,
 Он, покойно, чинно, стройно к Фебу засмотрелся.
 Стал в полудни, славы чудный к чуду всего света,
 Ибо крыле страшны в силе Петр Елисавета.

Первый останавливает его похвалу, указывая на трудность взятой им на себя задачи — перечислить все заслуги Елизаветы: «втрудится слух, устанет дух, слово не изможет». Второй, объясняя свой страх, — «дрожат уды, трепет всюду, сердце внутрь ужасно», — продолжает прославление Елизаветы, изображая ее преемницей Петра.

Зрю бо мины без отмѣны скипетра достойны,
 Дух пространный, ум избранный верх венцу пристойны.
 Прозорливо, смотреливо в всех действиях око,
 Мысль дозрелу, слово делу согласно высоко.
 Руку мочну Петру точну правящу нас в мире,
 Зрю с всех примет Елисавет рожденну к порфире.
 Вжду купно неотступно с ней Петра грядуща,
 Б самом цвете в юном лете зрела умом суца.
 В нем с пригоды всех благ роди, как плод в вертограде,
 Пространились, умножились отечеству к отраде.
 Корень Петров ветвь ту в покров израсти России,
 Зде в час варный благодарны почуют благии.
 Виждь окружно, коль услужно храбр дух кавалеры
 Суть собранны, столп избранный отчества и веры.
 Македону и Катону храбростию равны,
 Умом чудны, всерассудны, всеи Еуропе явны.
 Ктось бы возмнел, что з всех предел света зде герои
 Толь суть силны и обилны так в мире, как в бои.

(к. 172)

Этот панегирик он заключает вопросом своему собеседнику, как он «предстать явно пред державно лице не стыдится». Первый отвечает, что действительно перечень заслуг Елизаветы мог бы привести его «в робость многу». Но «едина мне притчина отгонит унылость, Высочайша, всеблажайша монархиня милость». И в длинной речи он прославляет эту милость, именуя Елизавету «мать благосерда», которая прощает даже «врагам злобным, безутробным». От этого панегирика он переходит к благодарности Елизавете за покровительство школе. Выслушав эту речь, второй сознается, что у него «страх отиде, смелость приде и внутрь сердце живо», но он все же «недоумеет», «что сами ей воздамы». На это первый отвечает скромно: «Принесем в дар свнутрь любви жар и сердце готово, Хотя кратко и несладко воздадим ей слово, Не коль должно, но коль можно вдруг сложим приветы Всеблажайшей, вседражайшей матере как дети». Ободренный этим, второй, по примеру первого, благодарит Елизавету за «щит щедрот» ее, который охраняет их «в вертограде нашем младе».

Заключительное слово первого от лица «обоих» высказывает благодарность Елизавете за посещение школы.

Диалог, как и приложенные к нему в рукописях вирши — одинаково троицкие и новгородские — по своей теме тесно примыкают к церковной панегирической литературе времени царствования Елизаветы Петровны. Основной мотив тех многочисленных проповедей, которые высшие иерархи приносили в большом количестве, особенно в первые годы после переворота, доказывая его законность, это — параллель между Елизаветой Петровной и ее отцом, изображение ее деятельности, как прямого продолжения петровских реформ. Со времени объявления наследником Петра Федоровича к этой теме присоединяется аналогичная, в применении к наследнику: будущего Петра III прославляют именно как внука Петра I, как его достойного преемника. В этом отношении среди других проповедников особенно выделяется своим неумеренно хвалебным тоном учитель Петра Федоровича Симон Тодорский, который, совершенно не считаясь с действительностью, уже наследником изображает его «не великим телом, но великим делом, внуку Петра Великого весьма приличным»;¹ ср. в диалоге: «в самом цвете в юном лете зрела умом суца». Так писали панегиристы о наследнике, которому тогда не было еще 16 лет. Эти проповеди были, с одной стороны, выполнением тех обязанностей, которые в XVIII в. возлагались на духовенство — насаждать верноподданнические чувства, для чего с особенной пышностью было предписано совершать богослужения в царские дни, с другой — они были ответом на возвращение некоторых привилегий, отнятых у высшего духовенства в предыдущее царствование, особенно при Бироне. Синод получил обратно в свое ведение церковные земли, вернулись из ссылки часть пострадавших при Анне Иоанновне, сокращены права иноверцев. Оттого так не скупилась на похвалы Елизавете Петровне ее придворные проповедники, а за ними и другие «князья церкви». К тому же именно в первые годы для Елизаветы Петровны такая панегирическая проповедь была необходима, как оправдание совершенного ее именем переворота.

Значительная часть этих проповедей печаталась и могла таким образом стать известной далеко за пределами того узкого круга слушателей, перед которым она произносилась. Официальная точка зрения на царствование Елизаветы, как на продолжение правления Петра I, была усвоена и многочисленными панегириками, какими встречали императрицу во время ее посещений городов, монастырей, школ. И эти праздники со всеми произнесенными на них хвалебными речами, стихами становились известными благодаря печатным их описаниям (см., напр., цитированное выше описание торжества в Троицкой лавре 1744 г., дважды изданное; затем в киево-печерской типографии «трегубым диалектом» изданные «рифмы» Михаила Козачинского, произнесенные в августе 1744 г. во время пребывания в Киеве Елизаветы и наследника с женой, и другие издания). Повторяя придворных проповедников, учитель Троицкой семинарии Федор Ляшевецкий в феврале

¹ Н. Попов. Придворные проповеди в царствование Елизаветы Петровны. Лет. русск. лит. и древн., т. II, 1859, стр. 29 и др.

1744 г. обращается к Елизавете Петровне с таким приветствием: «Усмотрим в руках твоих мечь Петров прежде преславными победами, ныне торжественным всенародного безмятежия лавром красящийся, мать благоутробная, . . . живой портрет действий Петровых» (см. «Описание краткими стихами иллюминации. . .»). В это третье посещение Елизаветой Петровной Троицкой лавры и семинарии к обычным похвалам ей присоединяется благодарность за окончание войны с шведами, о чем прямо говорит заглавие описания иллюминации, связывающее ее с «всевожделенным вечно заключенным миром». Вероятно, особая торжественность, с какой обставлен был именно этот визит Елизаветы в Троицкую лавру, побудила издать подробное описание всего церемониала встречи. В стихотворениях, произнесенных учениками семинарии, неоднократно упоминается о заключении мира: «та венча побед лавром нас и мира», «оним обручили мы с Свеем дружбу вечну», «заключили с Свеем мир»; среди картин, сопровождавших иллюминацией, есть «Юдифь обезглавляющая Олоферна» — намек на победу над шведами. В разных вариациях повторяется основной мотив панегирической литературы в честь Елизаветы Петровны — «род Петров, Петрова кровь» течет и в ней и в ее наследнике. О том же говорит М. Козачинский, встречающий Елизавету Петровну через полгода в Киеве: «дух он Петров», «имей победы Петру точны» и т. д.

Елизавета и наследник, как преемники славного царствования Петра I, — это основная тема и диалога двух учеников, произнесенного учениками Троицкой семинарии во второе посещение ее императрицей: «Чудный крови плод Петровый», «Весь мир знает, ощущает, что Петрова сила Со всех примет Елисавет чудо украсила. Дух, мысль, слово в ней Петрово, мечь его и дело», «Руку мочну Петру точну правящу нас в мире», «Корень Петров ветвь ту в покров израсти России» (наследника). Все эти мысли чрезвычайно близко напоминают мотивы приветствий, которыми встретили в той же школе Елизавету в третье посещение: «Днесь Россия зрит благия дни Петрова века. . . Зрит победы и вси следы в вас Петровым равны». Сам собой просится вывод, не тот ли Федор Ляшевецкий, который своей приветственной речью организует все торжество в феврале 1744 г., несколько раньше дал материал для диалога двух учеников? Этот вывод становится еще более вероятным, если мы обратим внимание на то, что и диалог двух учеников и стихи, произнесенные в феврале 1744 г., используют один и тот же источник — диалог об Александре Македонском, поставленный в Тверской семинарии после 28 января 1743 г., ни словом не упоминающий о заключении мира с Швецией, следовательно сложенный до августа того же года. Диалог же двух учеников, знающий об этом мире, произнесен между августом 1743 г. и февралем 1744 г., когда Елизавета уже в третий раз была в Троицкой семинарии. Судя по выражению — «пешеходит», надо думать, что этот второй визит был вскоре после заключения мира, до наступления поздней осени, когда Елизавета вряд ли пошла бы пешком в лавру.

И диалог двух учеников, и некоторые из вирш, произнесенных в феврале 1744 г., текстуально близки к тверскому диалогу. Приведу примеры, которые покажут, что в данном случае речь идет уже не об общности

мотивов, а о повторении определенных художественных образов, которое нельзя назвать случайным. Оно выдает знакомство троицкого автора с тверским диалогом: целый ряд стихов в обоих диалогах и в некоторых виршах 1744 г. либо совпадают буквально, либо перифраз ограничивается самыми незначительными изменениями, которые не могут скрыть зависимости текстов.

Уже первые строки троицкого диалога — речь первого ученика — почти дословно совпадают с тверской пьесой:

*Ныне должно сколь возможно украсить речь словы,
Дух подвижный, ум постиженный члеть и готовы.*

Ср. речь Паллады в тверском диалоге:

*Сколь постижны ум подвижны имам и готовы,
Вся украсить, всех удивить речию и словы* (стр. 183).

Второй ученик отвечает на это предложение «украсить речь словы»:

*Коль ты чуден, нерасуден, осмотришь хоть мало,
Пред кем ты стал, то б разсуждал, zde молчать пристало.*

Второй стих буквально повторяет гордое обращение Дария к Александру Македонскому, собирающемуся на него напасть, а первый взят из снисходительного ответа юноши этому царю:

*Ты пред кем стал, кого задрал, разсуди хоть мало,
Сколь ты чуден, нерасуден, хотя стар летами* (119).

Восхваляя достоинства приближенных Елизаветы, второй ученик так рисует их доблесть:

*Македону и Катону храбростию равны,
Умом чудны, всерассудны, всей Еуропе явны,
Ктось бы возмел, что з всех предел света zde герои
Толь суть сильны и обильны так в мире, как в бои.*

Те же стихи читаем в речи Паллады, воспевающей подвиги Петра I:

*Кто бы помел, что с всех предел света, где герои.
Македонны, и Самсоны в бранех и покои* (стр. 134).

Та же речь Паллады отозвалась и в виршах 1744 г., изображающих царствование Елизаветы, как благие времена ее отца:

*Днесь Россия зрит благия дни Петрова века,
Умашенны, упоенны от меда и млека.
О час щаслив, се Петр мой жив. . .*

Ср. в речи Паллады:

*Тем России дни благия, дни златаго века
Умашенны, упоенны от меда и млека.
В час щаслив, Петр его жив* (стр. 136).

Речь Дария, написанная тем же леонинским стихом, что и троцкий диалог, отзывается в нем то отдельными стихами, то лишь образами из них:

Весь мир знает, ощущает, что Петрова сила. . .

Ср. гордое заявление Дария:

Весь мир знает, ощущает Дария меч дело (стр. 118).

или —

Ты даждь ответ на мой увет.

Ср. обращение Дария к Александру:

На твой увет сей дашь ответ (стр. 119).

Первый отрок, начиная похвалу Елизавете за ее заботы о школьниках, так говорит о своих скромных силах:

Ум последни, глас мой бедный и мысль зри убогу.

Сходными словами Дарий выражает свое недоверие к силам молодого Александра:

Веспоследний мысли бедной уму недоспелу (стр. 118).

Менее убедительны совпадения в отдельных выражениях, которые могут быть приняты во внимание только на ряду с несомненными заимствованиями, например: диалог — «око ума зрело» (у Елизаветы) — ср. Дарий о себе: «о к о у м а з р е л о» (стр. 118); «зрю бо мины без отмѣны» — ср. Александр Дарию: «грозши мины без отмѣны» (стр. 119); «чиста вера без примера» — ср. в тверской пьесе в виде эпитета Елизаветы — «ты ч и с т о й в е р ы чистое зеркало» (стр. 138); оба панегирика именуют Елизавету «мати сердоболна» (л. 174 и стр. 140); «мысль убога» первого ученика соответствует «мысли убогой» Смерти в тверской пьесе (стр. 122). Такие же отголоски тверской пьесы есть и в троицких приветственных виршах 1744 г.: «Биват, мати! веки златы! Биват, Петр, весело!» — ср. «л е т а все з л а т ы . . В и в а т П е т р наш наследны» (стр. 140).

Таким образом выясняется, что троицкий диалог 1743 г. и приветственные вирши 1744 г., произнесенные в той же школе, как-то связаны с тверской пьесой, написанной несколько раньше, но по аналогичному поводу. Одинаковые украинизмы в языке всех этих панегириков могут указывать на авторство воспитанника Киевской академии, поставлявшей преподавателей молодым семинариям.

Весь выдержанный двойным леонинским стихом диалог воспользовался и из тверской пьесы только теми отрывками, которые написаны тем же размером — сценой Александра с Дарием и речью Паллады. Вряд ли и это можно считать случайным. Точно так же и приветственные вирши, сложенные в виде четырехстиший типа 11 + 11 + 11 + 5, отражают только аналогичные по построению строфы тверской пьесы — речи Александра и Меркурия в явлении IV и Благочестия в явлении VII. Стихотворной формой автор и диалога двух учеников и вирш владеет недурно. Двойной леонинский стих, которым целиком написан диалог, лишь очень редко не выдерживает требуемого числа слогов в стихе (4 + 4 + 6), опасаясь в первой части на один слог. Возможна, впрочем, и некоторая порча текста при переписке. Рифмы довольно разнообразны: рифмуют глаголы, существительные, прилагательные, глагол с существительным, существи-

тельное с наречием, причастия, но из интересных, необычных рифм можно отметить только одну: «власти — дасть ти».

Язык троцкого диалога — типичный для памятников школьной поэзии XVIII в. Обычная славяно-русская речь прорывается многими украинизмами, которые, как указано выше, вошли в употребление и под воздействием преподавателей — питомцев Киевской академии, и под влиянием сборников украинских вирш и песен, бывших в это время в обращении среди русских читателей. В лексике диалога украинизмов очень мало: «тварь» (в значении лицо), «ктось», «дитинка», вот и все, что можно отметить на весь текст. Многочисленнее следы украинизмов в рифмах, но и они принадлежат к числу обычных в виршах XVIII в.: это рифмующие Ы — И (цветы — зрети, брани — станы, природы — роди, правыи — настави, покрывает — лиет и т. п.), Ъ — И (имѣл — спросил, мины — отмѣны, а в одном случае сохранилось даже написание, соответствующее украинскому произношению ъ — лѣты — привиты). Но и таких рифм на весь, довольно длинный, диалог можно считать около 20. В остальном язык панегирика для школьной поэзии даже довольно простой: нет перегрузки мифологическими образами — из них упоминаются лишь Феб, Марс, из героев древности автор диалога вспомнил, и то под воздействием тверской пьесы, «Македона и Катона», а из всех иностранных слов, вошедших в употребление в XVII и XVIII вв., по одному разу вставил «ковалеры», «зиват» и «резон».

Ко времени произведения диалога двух учеников молодой Троицкой семинарии исполнился только один год: постановление об ее открытии состоялось в 1738 г., но фактически школа начала функционировать только в 1742 г., после неоднократных напоминаний Елизаветы. Этим объясняются в диалоге стихи: «Кто бо zde знал или слышал мудростныя реки? Не мнели и не зрели вси прешедшии веки. Кто когда мнел, дабы прещел вертоград zde плодный?.. се же чудна неоскудна милость монархини Излияла, показала разума быстрины. Се насади и огради всех щедрот оплотом». Этой школе, видимо, уделялось императрицей особое внимание, так как, по словам панегирика, «сама зрети досмотрети второе приходит», «Дабы же дело спех имело, Сама наблюдать Се приходит и приводит с собой Петѹ а мати». Эти последние стихи, отсутствующие в Киевском списке диалога, но продолжающие последнюю речь ученика, несомненно, относятся к самому диалогу, повторяя его основной мотив — благодарность за посещение вновь открытой школы — «сверх всех давных щитов славных делает учений Новы племы». Та же мысль о молодой школе есть и в виршах 1744 г.: «прими цвет, Елизавет, плод пока дозреет; прими, Петре надеждо, наших труд начатки».

Таким образом диалог двух учеников представляет собой панегирик, произнесенный учениками только что открытой Троицкой семинарии во время второго посещения ее Елизаветой Петровной осенью 1743 г. Его автор, возможно, — Федор Ляшевецкий, преподаватель этой семинарии, через полгода встретивший императрицу приветственной речью и виршами, напоминающими и отдельными художественными образами и настроением более ранний диалог. В этих панегириках заметна связь с тверской пьесой

об Александре Македонском. Молодая Троицкая семинария не могла встретить Елизавету ни пышным представлением типа «Стефанотокоса», каким чествовала ее Новгородская семинария, ни более скромной, но все же развитой школьной драмой об Александре Македонском, какую в честь ее и наследника поставили в Тверской семинарии. Диалог двух учеников исполнялся без всяких сценических приспособлений, ученики говорили от своего лица, и в целом церемония, на которой произносился и диалог, и, вероятно, отдельные вирши, представляла обычную торжественную декламацию, какие в школах XVIII в. устраивались по разным поводам.

Уже после августа 1745 г., когда Елизавета с наследником и его женой Екатериной приехала в Новгород, местная семинария устроила в честь ее торжество, менее пышное, чем в 1741/42 г., когда был поставлен «Стефанотокос». На этом торжестве был повторен с легким изменением троицкий диалог 1743 г., часть вирш 1744 г. и, кроме того, декламировались новые вирши, в которых есть уже прямые указания на Новгород: «Все сие, Новаграда сыны, ощущаем», «Ликуите ныне, люди Новаграда, се вам прииде благая отрада».

Эти вирши неоднократно подчеркивают, что приезд гостей совпал с весной: «Иным весна, нам класы радости доспели», «Как приятно днесь смотреть на поля, дубравы, Ибо весело цветут тамо разны травы», «Коль весело днесь растут селни крини, Цветут, красятся и самы пустыни. Весна то поля вся красит травами и злак цветами». Из этих указаний видно, что вирши составлены не раньше весны 1746 г., первой весны, когда Петр Федорович мог путешествовать вместе с женой, вирши же обращаются к ним обоим, называя их «двоица едина», «двоице желанна».

И новгородская школа благодарит Елизавету за «милости росу»: «Аще бо не издадим ни малы приветы, Мысль в тебе возродится, яко zde не цветы Произрасли, но волчец, затем от немалы Сердце уязвленное будет ти печали, Яко всеу тобою труды суть подъяты, Всеу милости росой тщи-лась напояти», «Матернюю бо милость к нам везде являеш, Егда щедрот на них вод токи изливаеш». Новгородская школа медленно оправлялась после того упадка, в какой она пришла при Феофане Прокоповиче, перенесшем главную ее часть в свой архиерейский дом в Петербург.

Новгородские вирши довольно разнообразны по форме, умело скомпонованы и, мало нового давая по содержанию, интересны как показатель высокой культуры стиха в школьной практике. Среди выдержанных силлабических вирш разного рода, следует отметить одно стихотворение, которое показывает, что новое тоновое стихосложение проникло уже и здесь в силлабическую систему; начало этого стихотворения:

«Как приятно днесь смотреть на поля, дубравы,
Ибо весело цветут тамо разны травы»

явно тонизировано, давая не только правильный 13-сложный стих, но и разбиваясь на стопы — —, с цезурой после 7-го слога.

Тесная связь между школами, осуществлявшаяся через обмен преподавательскими силами, объединяла и школьную поэзию, создававшуюся

в одинаковых условиях, под углом зрения одних и тех же художественных вкусов, в определенную литературную систему; эта система надолго задержала в духовной школе старые литературные навыки XVII в. и медленно уступала место новым поэтическим приемам, шедшим из светской литературы XVIII в.

II. К истории школьного театра в Астрахани

В рукописном собрании Научной библиотеки Саратовского Государственного университета среди поступлений недавнего времени имеются два сборника конца XVIII и начала XIX вв. (№ 2127 и 2128), составленные протоиереем Скопиным, служившим в Астрахани (в сборниках есть ряд слов, произнесенных им в Астрахани, и несколько черновиков писем к астраханскому епископу Платону). Оба сборника составлены из самого разнообразного материала: тут и печатные брошюры различного содержания — светского и духовного, копии его собственных сочинений и писем, образцы политической сатиры конца XVIII и начала XIX в., бытовавшей в рукописной традиции — отголоски французской революции, войн с Наполеоном и т. д.¹ Собиратель, как показывает состав сборников, живо интересовался всей тогдашней жизнью в целом, а не только своими профессиональными делами. В сборник № 2127 вплетена маленькая тетрадошка, писанная побледневшей скорописью второй половины XVIII в., содержащая неоконченную копию пьесы, неизвестной еще исследователям старинного русского театра.

Не внося ничего нового по существу в наше знакомство с разнообразными типами школьных драм, новая рождественская пьеса, повторяющая их и своим замыслом, и литературным оформлением, интересна, однако, в том отношении, что она дает возможность предположить наличие хотя бы самого упрощенного школьного театра в Астрахани, где до сих пор мы не имели на него никаких указаний.

Пьеса начинается без всякого заглавия непосредственно прологом, произносимым «монахом». Этот пролог сразу вводит нас в содержание пьесы, относящейся к циклу рождественских драм, так распространенных в репертуаре школьного театра. По построению пролог представляет тот простейший тип, который давал зрителям краткое изложение содержания всей пьесы.² На основании этого пролога мы можем установить, что в копии недостает лишь самого конца пьесы — последний, упоминаемый в прологе эпизод, — избивание младенцев Иродом. От этого эпизода в рукописи сохранилось начало, и утерян, видимо, конец разговора офицера с воином.

¹ См. об этих сатирах мою статью в «Трудах Отдела древней литературы ИЛИ АН СССР», т. III, стр. 335—366.

² Этот тип пролога знают все наши пиитики, усвоившие формулировку Понтана: «Prologus est oratio ante fabulam legitimam habita ad spectatores, in qua... argumentum fabulae enarratur» (В. И. Резанов. Из истории русской драмы. Школьные действия XVII—XVIII вв. и театр иезуитов. М., 1910, стр. 24). Понтан в этом пункте повторил в 1707 г. Лаврентий Горка в своей пиитике «Idea artis poeseos» (там же, стр. 34).

Как видно из окончания пролога, пьеса не была лишь литературным упражнением, но, несомненно, предназначалась для постановки: в заключительных словах его монах обращается к зрителям: «Мы же ныне, собравшиеся здесь, Желаем сие в действие произвести. А вас, доброжелательных зрителей, покорно просим посмотреть, И, естли какая будет неисправность, то оное поправить, А за нашим недостатком вину сию оставить».

Нет никаких данных предполагать, что пьеса была поставлена на настоящей сцене, с декорациями и костюмами. В ней нет разделения на действия или явления, нет ни одной ремарки: все это скорее указывает, что пьеса была школьной декламацией, не требовавшей никаких сценических приспособлений, тем простейшим видом драматизации библейских сюжетов, который предшествовал развитым по всем правилам школьной пьесам школьного театра. Автор, однако, знал эти правила, как показывает и его пролог вполне определенного типа, и то, что он, согласно требованиям школьного театра, не выводит на сцену фигуру бога: в то время, как все остальные действующие лица говорят за себя сами, речам бога предшествует пометка: «от лица бога». Как известно, школьный театр не позволял прямо показывать божество, заменяя его обычно каким-нибудь олицетворением, либо допуская слышать его голос, но не видеть говорящего. Так поступил и автор нашей пьесы.

Центральную тему пьесы начинает показывать, как и обычно в школьных пьесах, с изображения грехопадения человека. Перед зрителем все время меняются пары собеседников, очень кратко в диалоге передающих главные события от грехопадения Адама до избиения Иродом младенцев. Бог и Адам беседуют о запрещении вкушать от «древа познания добра и зла». Демон уславливается со змием, чтобы он за награду дал ему свой образ для соблазна Евы. Сцена искушения Евы змием-демоном. Бог укоряет соблаздившегося Адама, проклинает Адама, Еву и змия. Иоаким и Анна передают Захарии отроковицу Марию. Архангел предвещает Захарии рождение сына. Благовещение архангела деве Марии. Пастушки приносят дары Христу. Симеон принимает младенца Христа. Ирод беседует с царями. Цари приносят дары Христу. Ангел приказывает Иосифу бежать в Египет. Иосиф и дева беседуют о бегстве. Ирод призывает книжников и узнает о рождении Христа. Ирод приказывает воинам убить младенцев. Офицер укоряет воина за «измену».

Пьеса-декламация, так элементарно располагающая свой материал, совершенно отчетливо обнаруживает свои источники. Пять первых сценок очень близко передают рассказ книги Бытия (первая книга Моисеева, гл. 2, ст. 7, 8, 17 и гл. 3, ст. 1—5, 8—14, 16, 19). Автор ограничивается легким изменением языка и приспособлением текста к рифмованной форме. Встреча девы Марии в храме Захарией вся соткана из отголосков церковных песнопений службы на праздник введения во храм богородицы. Отсюда взяты все эпитеты, которыми полна речь Захарии к деве: «нескверна, трилетствующая юнице, избавление Израилю, божие жилище» и т. п. Разговор Захарии и архангела Гавриила, так же как сцена благовещения и сретения

младенца Христа Симеоном, почти дословно повторяют текст евангелия от Луки, гл. 13—15, 18, 19.

Только в сцене благовещения автор допустил отступление от своего основного источника. Дева Мария отвечает архангелу в пьесе скорее во вкусе жеманной барышни XVIII в., чем покорной божьей воле девицы, какой рисует ее евангельский рассказ. Вместо обычного ответа, Мария сначала гневно обращается к архангелу с упреком: «Что так странно во ушеса моя влагаешь и паче меры получить обещаешь? Иди отсюда, никакo мне прикоснися, ибо я вижу, что ты летец явишися. Да и почто ты тако поступаешь и в чертог ко мне входить дерзаешь? Но это единственное отступление автора от шаблона рождественских пьес.

С появлением на сцене Ирода наш автор подпадает под воздействие вертепной драмы или, возможно, ее источника в этой части — вирша «Шедше триє пари ко христу со дары», который драматизован в вертепе. Разговор Ирода с царями, идущими на поклонение Христу, не оставляет никаких сомнений в своем источнике. Здесь лишь переставлены отдельные фразы: то, что в вертепе и в вирше говорит Ирод, в пьесе произносят цари.

В и р ш и

Шедше триє пари
 Ко Христу со дары.
 Ирод их пригласил
Куда идут, испросил.
 Отвещаша ему:
Идем к рожденному.
 К рожденному идите
И мнѣ возвестите.
Аз шед поклонюся
Пред царем смирюся.
Воздам честь обычну
Цареви приличну.¹
 В другом варианте
 продолжение описывает
 поклонение:
 Триє цари пришли,
 Дар Іусу внесли
 Ліван, злато, смирну.²

П ь е с а

И р о д к ц а р е м.
 Царие прелюбсзны, *камо идите,*
 Прошу вас да мне объявите.
 Ц а р и И р о д у.
Идем к рожденному царю Иудей-
скому
Отдать ему честь обычную
Цареви бо всех приличную.
 И р о д ц а р е м.
Идите и мне возвестите,
 Где он пребывает
 И как там обитает.
Аз шед поклонюся
И пред ним смирюся.
 В пьесе этому отрывку соответствует
 сцена поклонения царей.

В данном отрывке пьесы характерно наименование волхвов, которых звезда привела к Христу, царями, как это мы читаем в вирше, вертепе и апокрифической литературе. Конечно, определить ближайшим образом, из вирши или вертепной драмы наш автор взял сцену Ирода с царями, трудно. Начитанность его в литературе, связанной с темой рождества христового, видна и из того, что он не ограничивается общим наименованием

¹ П. Безсонов. Калекы переходные. М., 1863, вып. 4, стр. 24.

² В. Гнатюк. Угроруські духовні вірші. Львів, 1902, стр. 148.

«три царя», а называет каждого из них по имени. Эта подробность могла быть известна ему из полуапокрифической литературы слов на рождество христово, основанных на «сказании Афродитиана о чуде в Перской земле». Именно здесь мы читаем эти имена и с тем же, что и в пьесе, разделением между ними даров. Такие слова были особенно широко распространены в украинской литературе XVII в., вошли даже в учительные евангелия (см., напр., I. Франко. Апокрифи і легенди з українських рукописів. Т. II, Львів, 1899, стр. 11, 18, 127); в них речь идет, в отличие от канонической литературы, о поклонении царей (= королей), а не волхвов, тогда как русский список подобного же слова присваивает эти имена трем волхвам царя перского (см. И. Порфирьев. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1890, стр. 155). Таким образом есть некоторое основание думать, что в сценах с Иродом и царями автор пьесы связан с украинской литературной традицией.

В стиле вертепной драмы выдержан и разговор Ирода с книжниками, его наказ воинам «избить младенцев от двух лет и ниже» — ср. в вертепе «избить младенцев мужьского пола из двух лет и более». В той же манере шла и сцена, неоконченная в рукописи, — разговор офицера с воином.

А ф и ц е р

Почто ты тако, бестия, поступил?
Я вижу, что ты измену учинил.
Развѣ ты не помниш того,
Что присягу принял за кого,
Чтоб тебе верно служить,
И измены не чинить?

В о и н к о а ф и ц е р у.

Ваше благородие, я это от незнания артикула учинил,
Всепокорно прошу, чтобы ету мне вину простил.

А ф и ц е р.

За незнанием артикула ету вину тебе прощаю,
А впредь от таковых поступков опасатся повелеваю.

Таким образом в целом наша пьеса представляет довольно примитивную компиляцию, которая в первой части приближается к пьесам-декламациям, во второй же отходит в сторону вертепа и связанной с ним литературы. Но она значительно беднее и в литературном и в сценическом отношении таких школьных пьес-декламаций, какими были, напр., пьесы Митрофана Довгалевского. Она не знает ни развитого диалога, ни деления на действия и явления, никаких украшающих приемов вроде фигур-олицетворений и т. п. Ее вирши также очень слабы: хромает в них не только рифма, но и самый размер — число слогов в соседних стихах от 8 до 13, от 4 до 8, иногда даже от 8 до 16. Там, где манера пьесы сближается с вертепом, и стих становится более похожим на рифмованную прозу. На фоне обычного славяно-русского языка пьесы обращают на себя внимание три словарных украин-

низма: «всход» (л. 153) в значении восток, «породила девица» (там же) и «вчину» («с собою вкупе жить вчину» — л. 153 об.).

Итак, тот вид, в котором дошла до нас эта новая рождественская пьеса, дает лишь следующие указания. Ее текст сохранил человек, долго живший в Астрахани; пьеса обнаруживает знакомство автора с правилами школьного театра и с украинской литературой, разрабатывающей тему рождества христового; в ее языке есть следы украинизмов. Какие предположительные выводы позволяют сделать эти указания?

В начале XVIII в. в Астрахань пробрались капуцины и иезуиты (см. об этом «Русская речь» 1861, № 91). Здесь они, между прочим, занялись и воспитанием юношества не только католического, но и других исповеданий. Из воспоминаний Тредьяковского о его детских годах, проведенных в Астрахани, мы узнаем, что он учился, по желанию отца, «словесным наукам на латинском языке. . . в Астрахани у Римских живущих там монахов» (П. Пекарский. История Академии Наук в Петербурге, т. II, СПб. 1873, стр. 3—4). О программе этого «учения словесным наукам» можно судить по тому, что в Москве в 1723 г. Тредьяковский поступил прямо в класс реторики славяно-греко-латинской академии (см. там же, стр. 5). Надо полагать, что в программу этого обучения у «Римских монахов» в Астрахани входило хотя бы некоторое знакомство с формами школьной поэзии, в том числе, возможно, и с школьной драмой. Неизвестно, были ли школьные спектакли у этих монахов, но нет ничего невозможного в предположении, что какие-то представления, как вспомогательное средство обучения латинскому языку, существовали в их училище. Отсюда могло пойти знакомство астраханцев с школьной драмой. Это знакомство, впрочем, если оно и было, не могло выйти за пределы узкого круга людей, знавших латинский язык.

Первые образцы пьес на славяно-русском языке мог привезти в Астрахань Лаврентий Горка, бывший с 8 сентября 1723 г. по 7 сентября 1727 г. епископом астраханским и ставропольским. Еще в 1707 г. он занимал в Киевской академии кафедру пиитики и составил здесь курс под заглавием «*Idea artis poeseos*», повторяющий частью непосредственно Понтана, частью более близкого по времени к Лаврентию Горке Феофана Прокоповича. В следующем 1708 г. Лаврентий Горка дал приложение своей теории к драматической практике, написавши трагедокомедию «Иосиф патриарха». Привыкнув в Киеве к школьным спектаклям, Лаврентий Горка, возможно, попытался завести их и в Астрахани, где почва могла быть подготовлена «римскими монахами». Оставалось продолжить их работу и упражнения на латинском языке обратить в спектакли, доступные зрителям более широкого круга. Наконец, в 1729 г. в Астрахани открывается «латинская школа», куда, по требованию Варлаама Ливницкого, присылают учителем ученика Московской славяно-греко-латинской академии Павла Горошковского (С. Смирнов. История Моск. слав.-греко-лат. академии. М. 1855, стр. 229). С этого момента школьные традиции двух старейших академий — Киевской и Московской — находят себе в Астрахани постоянное прибежище, и здесь, в этой новой «латинской школе», возможно сделана была

попытка завести постоянные школьные спектакли, один из образцов которых сохранила нам рождественская пьеса. Если это предположение верно, тогда понятно, почему, с одной стороны, в пьесе чувствуется воздействие украинской литературной традиции и языка, с другой — она построена так примитивно. Конечно, никаких сценических приспособлений, которые дали бы возможность развернуть пышные спектакли, какими уже блистали в это время театры Киевской и Московской академий, в скромной астраханской «латинской» школе не было. Можно было ограничиться лишь такими пьесами, которые приближались к типу декламаций и довольствовались одной площадкой («rodium»), где поочередно сменялись исполнители разных ролей. Киев также знал пьесы такого упрощенного типа. Для Астрахани он, вероятно, остался единственно возможным.

Таким образом есть основание полагать, что Астрахань, куда с XVIII в. сведения о школьных представлениях могли проникнуть из трех источников — непосредственно с Запада через капуцинов и иезуитов, из Киева через Лаврентия Горку и из Москвы через преподавателей новой «латинской» школы, — откликнулась на эти воздействия извне и, судя по сохранившемуся тексту пьесы, попыталась сделать свой вклад в репертуар школьных театров, устраивавшихся в XVIII в. во всех почти городах, куда проникали в качестве руководителей воспитанники Московской и Киевской академий.
